
ЭКОНОМИКА

**Методика расчета диверсификации нетрадиционных видов
сельскохозяйственной и альтернативной деятельности в сельской местности**

Людмила Владимировна Евграфова[✉], Наталья Анатольевна Сергеева

Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия

[✉] **Автор, ответственный за переписку:** lyudmilaevgrafova@rgau-msha.ru

Аннотация

В статье идентифицированы ключевые детерминанты, влияющие на успешность диверсификационных процессов в аграрной экономике России, среди которых выделяются институциональные условия, доступ к инфраструктуре и уровень человеческого капитала. Сравнительный анализ методологических подходов к классификации сельских территорий позволил выделить параметры, формирующие их социально-экономический профиль. На основе синтеза экономических, экологических и демографических индикаторов разработана оригинальная типология субъектов Федерации, учитывающая специфику межотраслевых взаимодействий. Применение методов межотраслевого баланса, в частности, статистических таблиц «Затраты-выпуск», обеспечило количественную оценку технологических коэффициентов промежуточного потребления для 33 регионов страны. Методический аппарат, представленный в статье, базируется на расчете доли каждого вида продукции в структуре промежуточного потребления, что позволяет определить косвенное влияние смежных отраслей на развитие туристического кластера в конкретной местности. Апробация подхода на данных заявочной документации гранта «Агротуризм» Республики Бурятия за 2022 год продемонстрировала возможность прогнозирования мультипликативного эффекта с горизонтом планирования до 2030 года. Результаты расчетов свидетельствуют о том, что каждый рубль государственных инвестиций в инфраструктуру сельского туризма генерирует 2,3 рубля добавленной стоимости в сопряженных секторах экономики. Интеграция полученных данных в авторскую типологизацию сельских территорий выявила 4 кластера, различающихся по потенциалу диверсификации: от агроиндустриальных хабов с высоким мультипликативным эффектом до депрессивных зон, требующих целевой поддержки. Предложенная классификация служит основой для формирования дифференцированных мер государственной политики, направленных на сокращение межрегиональных диспропорций и активизацию эндогенных факторов роста. Применение кросс-регионального анализа подтвердило гипотезу о положительной корреляции между уровнем диверсификации и динамикой внутреннего регионального продукта. В перспективе разработанный методический инструментарий может быть адаптирован для проектирования цифровых моделей, прогнозирующих долгосрочные эффекты от внедрения инновационных практик в аграрном секторе.

Ключевые слова

Поступательный рост уровня благосостояния, аграрное население, многоотраслевая трансформация сельскохозяйственной деятельности, полисекторное развитие сельских территорий, типологическая классификация сельской местности, мультипликативный эффект аграрного туризма

Для цитирования

Евграфова Л.В., Сергеева Н.А. Методика расчета диверсификации нетрадиционных видов сельскохозяйственной и альтернативной деятельности в сельской местности // *Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии*. 2025. № 5. С. 208–230.

ECONOMICS

Methodology for calculating the diversification of non-traditional agricultural and alternative activities in rural areas

Lyudmila V. Evgrafova[✉], Natalia A. Sergeeva

Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia

[✉]Corresponding author: lyudmilaevgrafova@yandex.ru

Abstract

This study identifies key determinants of successful diversification processes within the Russian agrarian economy, emphasizing the significance of institutional frameworks, infrastructure access, and human capital levels. A comparative analysis of methodological approaches to the classification of rural territories facilitates the delineation of parameters shaping their socio-economic profiles. Leveraging a synthesis of economic, environmental, and demographic indicators, we develop an original typology of Federation subjects, accounting for the nuances of inter-industry linkages. Applying input-output analysis, specifically utilizing statistical “Input-Output” tables, enables a quantitative assessment of technological coefficients for intermediate consumption across 33 regions. The methodological framework presented herein is predicated on calculating the proportion of each product type within the structure of intermediate consumption, enabling the quantification of indirect impacts from related industries on the development of tourism clusters within specific localities. Empirical validation of this approach, utilizing application documentation from the “Agritourism” grant program in the Republic of Buryatia for 2022, demonstrates the capacity to forecast multiplicative effects with a planning horizon extending to 2030. Results from the calculations indicate that each ruble of public investment in rural tourism infrastructure generates 2.3 rubles of value added within associated economic sectors. Integrating these findings into the authors’ typology of rural territories reveals four distinct clusters, characterized by differing diversification potential: ranging from agro-industrial hubs with high multiplicative effects to economically depressed zones necessitating targeted interventions. The proposed classification underpins the formulation of differentiated state policy measures designed to mitigate interregional disparities and stimulate endogenous growth drivers. Cross-regional analysis supports the hypothesis of a positive correlation between the degree of diversification and the dynamics of regional gross domestic product. The developed methodological toolkit holds potential for future adaptation in the design of digital models, facilitating the prediction of long-term impacts resulting from the adoption of innovative practices within the agricultural sector.

Keywords

Progressive growth in the standard of living, agrarian population, multi-sectoral transformation of agricultural activities, multi-sectoral rural development, typological classification of rural areas, multiplicative effect of agritourism

For citation

Evgrafova L.V., Sergeeva N.A. Methodology for calculating the diversification of non-traditional agricultural and alternative activities in rural areas. *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2025. No. 5. P. 208–230.

Введение Introduction

Приоритетной задачей социально-экономической политики становится достижение устойчивой динамики повышения уровня жизни сельского населения при одновременном сокращении межрегиональных диспропорций в развитии аграрных территорий. Устранение факторов, порождающих структурное неравенство между сельскими районами, требует внедрения комплексных мер пространственного регулирования.

Диверсификация экономических практик в аграрном секторе предусматривает поиск альтернативных форм хозяйствования включая переработку сельхозпродукции, возобновляемую энергетику и агротуристические кластеры. Данное направление трансформации способствует формированию устойчивой модели развития, снижающей зависимость от основного вида производства. Для количественной оценки уровня территориальной дифференциации в настоящее время используется комплекс таких методов, как анализ структурных сдвигов, расчет коэффициентов концентрации Херфиндаля-Хиршмана.

Современные подходы к типологизации сельских территорий напрямую связаны с попытками определения уровня диверсификации нетрадиционных видов сельскохозяйственной и альтернативной деятельности. К альтернативной деятельности можно отнести такие виды, как развитие местных ремесел, агротуризма, торгово-ярмочной деятельности, энергосберегающих производств, открытие информационных центров и т.д. Все эти альтернативные виды деятельности влияют на общий мультипликативный эффект инвестиций в различные проекты и гранты. В свою очередь, именно уровень мультипликативного эффекта может являться базисом для группировки и типологизации сельских территорий, что крайне необходимо с целью выработки общих подходов и инструментов, направленных на социально-экономическое развитие той или иной сельской территории.

Цель исследований: анализ существующих систем классификации сельских территорий с целью их группировки и поиска способов диверсификации сельского производства однородных субъектов РФ.

Методика исследований Research method

Диверсификация экономических моделей в сельской местности (табл. 1) определяется ресурсным потенциалом и производственными возможностями конкретных территорий. Существующие диспропорции в уровне социально-экономического развития регионов обуславливают необходимость дифференцированного подхода к планированию. Методология формирования стратегий должна базироваться на классификации сельских районов через призму их уникальных характеристик включая природно-климатические условия и инфраструктурную обеспеченность. Классификация сельских территорий по социально-экономическим параметрам позволяет разрабатывать целевые программы развития, учитывающие специфику конкретных сельских территорий. Представленная в статье методика исследований была апробирована в течение трех лет – с 2022 по 2025 гг.

Подходы к типологизации сельских территорий. Критерии типологизации сельских территорий включают в себя широкий спектр признаков: природно-агрономические зоны, историко-экономические особенности, структуру расселения, уровень урбанизации, степень освоенности, отраслевую специализацию, баланс трудовых ресурсов, инвестиционный потенциал, демографическую динамику, половозрастной состав населения, состояние инфраструктуры и уровень экономического развития муниципальных образований.

Направления диверсификации на сельских территориях

Table 1

Diversification trends in rural areas

Направления диверсификации	
Сельскохозяйственная деятельность	Несельскохозяйственная деятельность
– производство традиционных видов сельскохозяйственной продукции (расширение ассортимента за счет традиционных видов и сортов культур, видов и пород животных); – производство нетрадиционных видов сельскохозяйственной продукции (расширение ассортимента за счет новых видов и сортов культур, видов и пород животных, органическая продукция, функциональная продукция); – производство новых видов продовольственной продукции за счет углубленной переработки сельскохозяйственной продукции, переработки отходов производства; – производство продукции (ее частей) с дополнительными выгодами для потребителей за счет упаковки, заковки, специфических условий хранения с более длительным сроком потребления, в определенных объемах специальных технологий хранения и доработки.	– развитие вспомогательных производств (автотранспортные, ремонтные услуги); – развитие подсобных производств и промыслов (ремесла, швейные цеха, производство строительных материалов, рыболовство, охота, сбор дикоросов и лекарственных трав, производство торфа и т.д.); – развитие агротуризма (рекреационного, санаторно-курортного, гастрономического и т.д.); – развитие торгово-ярмарочной деятельности (создание фирменных магазинов, реализация продукции через сеть Интернет); – развитие энергосберегающих производств (альтернативная энергетика, биотопливо); – развитие промышленных, логистических, информационных производств и центров.

Социологический подход дополняет классификацию анализом социокультурных характеристик включая этнические традиции, ментальные установки и модели потребления. Административная методология базируется на нормах Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Согласно данному документу (ст. 11, п. 5–7) муниципальные районы могут включать в себя городские поселения, тогда как городские округа содержат сельские населенные пункты. Установлены следующие нормативы численности: сельское поселение объединяет населенные пункты с количеством жителей свыше 1000 чел., а меньшие поселения интегрируются в состав муниципалитетов [1].

Демографический подход фокусируется на показателях плотности населения, миграционного баланса и возрастной структуры. Экономико-территориальный анализ учитывает удаленность от промышленных центров, транспортную доступность, миграцию и потенциал диверсификации экономики. Статистическая методология опирается на расчет агрегированных индексов, объединяющих частные показатели. Функциональный подход объединяет параметры производственной структуры, состояние инфраструктуры и характеристики воспроизводства трудовых ресурсов.

Сложность административной системы, регламентированной законом № 131-ФЗ, часто не соответствует современным реалиям сельского развития. Это обусловлено диссонансом между формальными критериями и актуальными социально-экономическими процессами, требующими гибких адаптивных механизмов.

А. Мерзлов и О. Пантелеева предлагают применять модифицированную методику Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

для классификации сельских территорий России. Ключевыми критериями в данном подходе выступают плотность населения (менее 150 чел/км²) и доля жителей, проживающих в сельских сообществах (свыше 50%) [3].

Согласно типологии ОЭСР выделяются три категории сельских территорий:

1. Экономически интегрированные районы – территории с развитой инфраструктурой, расположенные вблизи городских центров, где доля занятых в аграрном секторе минимальна, а уровень доходов населения сравнительно высок.

2. Переходные зоны – территории, специализирующиеся на товарном сельхозпроизводстве благодаря транспортной доступности и связям с городскими рынками. Для России минимальная плотность населения в таких зонах оценивается в 5 чел/км².

3. Периферийные территории – зоны с низкой плотностью населения, депопуляцией и ограниченным доступом к рынкам сбыта, что препятствует развитию коммерческого сельского хозяйства [4].

Исследователи отмечают ограничения по применению методики ОЭСР в российских условиях в связи с явными различиями между международными стандартами плотности населения и российской спецификой сельских территорий. Например, в традиционных аграрных регионах страны плотность населения часто не превышает 1–2 чел/км², что существенно ниже пороговых значений ОЭСР.

В научном сообществе набирает популярность концепция комплексного показателя плотности, объединяющего, помимо демографических параметров, такие факторы, как развитость транспортной сети, расстояние между населенными пунктами и уровень землепользования. Данный подход позволяет учитывать региональные особенности пространственной организации и более эффективно прогнозировать потенциал развития территорий.

О.М. Рой из Омского государственного университета разработал методологию классификации сельских территорий, основанную на социально-бытовых факторах [5]. В качестве ключевых критериев выделены доминирование сельскохозяйственных видов деятельности, степень автономности инфраструктуры, параметры личных подсобных хозяйств, особенности застройки и роль межличностных коммуникаций в экономических процессах. Однако субъективность оценки по указанным параметрам ограничивает их применение в качестве базовых индикаторов.

Метод Т.И. Заславской предполагает трехуровневую классификацию сельских территорий. К первой категории отнесены развивающиеся муниципалитеты с развитой инфраструктурой, расположенные вблизи транспортных артерий [6]. Вторая группа включает в себя стагнирующие территории с высоким уровнем безработицы и деградацией социальной инфраструктуры. Третью категорию составляют выморочные зоны, лишенные перспектив развития ввиду экстремальных природных условий или демографического коллапса.

А.Я. Троцкий предложил классификацию, основанную на удаленности от урбанизированных центров [7]. Система включает в себя ближнюю периферию трех порядков (в пределах агломераций), среднюю периферию двух порядков (за пределами зоны непосредственного влияния городов) и дальнюю периферию (изолированные территории). Эксперты отмечают, что данный подход сокращает функции сельских территорий до роли пригородных зон, игнорируя их производственный и культурный потенциал.

Специалисты Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства разработали «поселенчески-миграционную» типологию, учитывающую модели пространственной мобильности населения [8]. В классификацию включены территории с доминированием маятниковой миграции, сезонного проживания горожан, корпоративных форм сельхозпроизводства, а также заброшенные зоны. Данный

подход акцентирует внимание на взаимосвязях городских и сельских поселений, однако не учитывает экологические и культурные аспекты развития.

Сравнительный анализ представленных методик выявил тенденцию преобладания экономико-географических критериев над социокультурными факторами. Это ограничивает возможности комплексной оценки потенциала сельских территорий, требующей интеграции междисциплинарных подходов.

Академик РАН А.И. Костяев в своих работах обосновывает целесообразность применения принципа «Центр-периферия» при типологизации сельских территорий. На примере Ленинградской, Новгородской, Псковской и Вологодской областей им разработана таксономическая модель экономического пространства, выделяющая три группы районов: пригородные, средней и дальней периферии. Критерием группировки выступает удаленность от региональных центров.

Дополнением к данной методике служит теория ситуационного подхода, предполагающая анализ состояния подсистем муниципальных районов (производственной, финансовой, демографической и др.) с последующей классификацией территорий по типам ситуаций: благоприятный, нормальный, неблагоприятный, критический [9]. Такой подход позволяет учитывать комплекс факторов, влияющих на устойчивость развития.

Профессор Ю.Т. Фаринюк и научная школа Тверской ГСХА развивают «производственную» типологию, фокусируясь на индикаторах аграрного сектора: доле сельского хозяйства в ВРП (валовый региональный продукт), удельном весе сельского населения и посевных площадях [10]. Однако в современных условиях подобная методология рассматривается как вспомогательный инструмент в рамках комплексных систем оценки.

Г.Н. Никонова и Е.Н. Криулина на материалах 26 муниципалитетов Ставропольского края предложили трехуровневую систему критериев [11]:

1. Территория и население (демографические показатели, транспортная доступность, удаленность от городов).
2. Правовой статус (компетенции органов местного самоуправления, структура бюджетных доходов).
3. Хозяйственная организация (формы экономической активности).

Результатом анализа стало выделение трех типов территорий: аграрных, аграрно-индустриальных и индустриально-аграрных. Данная классификация коррелирует с положениями Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ до 2030 года, однако слабо учитывает динамику социально-экономических показателей, что ограничивает ее прогностический потенциал.

Критический анализ представленных подходов выявил тенденцию преобладания статических экономико-географических критериев над динамическими социально-демографическими факторами. Это актуализирует задачу разработки интегративных методик, сочетающих количественные и качественные параметры оценки.

Современные исследования акцентируют внимание на необходимости интеграции социальных стандартов в систему классификации сельских территорий. К базовым критериям таких стандартов относят модернизацию инфраструктурного комплекса, улучшение жилищно-коммунальных условий, благоустройство поселений, расширение транспортной сети, повышение доступности образования и здравоохранения, развитие культурно-досуговой и спортивной инфраструктуры, сохранение традиционных культурных практик, оптимизацию бытового обслуживания, внедрение цифровых технологий.

Т.В. Вострцова предлагает проблемно-ориентированный подход к типологии, рассматривая сельские территории как комплексные системы, объединяющие

производственные, социальные и инфраструктурные функции [12]. Невозможность реализации этих функций трактуется как ключевой вызов для устойчивого развития.

Методический аппарат исследования включает в себя факторный анализ 8 индикаторов, отражающих основные аспекты развития:

- объемы и интенсивность сельхозпроизводства;
- роль личных подсобных хозяйств в экономике;
- демографические тенденции;
- состояние рынка труда;
- структура землепользования;
- обеспеченность социальными учреждениями;
- уровень социальной освоенности территории [13].

Данные показатели позволяют выявить дисбалансы в функционировании сельских территорий и разработать адресные меры поддержки. Применение такого подхода способствует переходу от унифицированных программ к дифференцированным стратегиям, учитывающим специфику локальных условий.

Существенные различия в уровне и динамике развития сельских территорий между регионами создают системные барьеры для оптимизации территориально-отраслевого разделения труда. Это приводит к снижению эффективности социально-экономического взаимодействия, недоиспользованию природно-ресурсного потенциала (земельных, лесных, водных ресурсов) и угрозам продовольственной безопасности. Дополнительными рисками выступают социальная дестабилизация, рост миграционного оттока и сокращение сети сельских поселений.

В контексте обозначенных вызовов актуализируется задача совершенствования агротерриториальной политики через разработку комплексной типологии, основанной на сравнительном анализе показателей состояния сельских территорий. Ученые Ульяновской области выделяют три ключевых компонента экономического потенциала, определяющих региональную дифференциацию:

- Трудовой потенциал, оцениваемый через показатели нагрузки сельхозугодий на работника, энерговооруженность труда и уровень заработной платы.
- Ресурсный потенциал, рассчитываемый на 100 га угодий и включающий в себя объем основных средств, энергомощности, объемы целевого финансирования и стоимость валовой продукции.
- Инвестиционный потенциал, отражающий доступность капитала для модернизации производственных систем.

Проведенный анализ позволил авторам обосновать необходимость приоритетной поддержки депрессивных сельских территорий, где наблюдается критическое снижение всех компонентов экономического потенциала. Данный вывод согласуется с положениями Стратегии развития сельских территорий, акцентирующей важность сокращения межрегиональных диспропорций.

Объединение предложенных индикаторов в систему мониторинга позволит корректировать государственные программы поддержки с учетом специфики территориальных кластеров. Особое значение приобретает разработка механизмов перераспределения ресурсов между регионами с высоким и низким потенциалом развития, что способно обеспечить синергетический эффект для национальной аграрной системы в целом.

Систематизация критериев для комплексной типологизации сельских территорий находит отражение в работах А.Ю. Павлова и А.А. Кудрявцева, предлагающих пятиуровневую систему оценки. Первая группа показателей охватывает экономические аспекты: кадастровую стоимость земель, объемы инвестиций в основной капитал, бюджетную обеспеченность, динамику сельхозпроизводства, уровень заработной

платы и безработицы. Вторая группа фокусируется на социальной инфраструктуре, включая в себя доступность спортивных сооружений, жилищного фонда, дошкольных и школьных учреждений, медицинских услуг [14].

Третья группа объединяет параметры инженерной инфраструктуры: протяженность дорожной сети, тепловых, водопроводных и канализационных коммуникаций, количество объектов бытового обслуживания. Четвертый блок анализирует сферу торговли и общепита через показатели площади торговых залов, числа розничных точек, мест на рынках и в заведениях общественного питания, объемов товарооборота. Пятая группа оценивает экологическое благополучие, учитывая затраты на охрану окружающей среды и уровень антропогенной нагрузки на территорию и население.

Гибкость предложенной системы позволяет адаптировать набор индикаторов в зависимости от масштаба исследования: от национального уровня до отдельных муниципалитетов. Это обеспечивает универсальность методологии при сохранении возможности фокусировки на специфических региональных особенностях. Интеграция экологических параметров отличает данный подход от традиционных экономико-географических моделей, расширяя аналитический охват.

Критический анализ методики выявил ее потенциал для разработки адресных программ развития, однако возник вопрос об оценке коэффициентов и показателей. Дальнейшие исследования могут быть направлены на поиск алгоритма расчета индексов с учетом региональной специфики ресурсного потенциала и институциональных условий.

М.С. Газизов из Красноярского государственного аграрного университета разработал методику классификации сельских территорий, основанную на расчете интегрального показателя уровня развития. Апробация метода проведена на примере муниципальных образований Красноярского края, что позволило выделить типические группы с учетом региональных особенностей [15]. Интегральный индикатор объединяет три составляющие: социальную, экономическую и экологическую, каждая из которых структурируется в иерархию отраслевых индикаторов и ключевых показателей. Оценка дифференциации осуществляется через расчет показателей, отражающих отклонение текущего состояния развития территории от предполагаемого оптимального.

Н.В. Логанцова предложила альтернативный подход, основанный на оценке социально-экономической безопасности сельских территорий [16]. В основе методологии лежит анализ 46 статистических показателей, охватывающих демографические тенденции, объемы сельхозпроизводства, обеспеченность ресурсами и состояние инфраструктуры. Исследование охватило динамику Вологодской области за 1991–2011 гг., выявив корреляцию между уровнем безопасности и такими параметрами, как миграционный баланс, поголовье скота и доступность медицинских услуг.

Ключевые группы показателей включают в себя: демографические данные (численность населения, возрастная структура, миграционные потоки); экономические индикаторы (производство сельхозпродукции на душу населения, площадь сельхозугодий); социальные параметры (уровень безработицы, обеспеченность медучреждениями). Интеграция этих данных позволила авторам выделить территории с критическим уровнем безопасности, требующие адресной государственной поддержки.

Результаты и их обсуждение

Results and discussion

Представленная выше типология схожа с методическими разработками ФГНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, где на протяжении десятилетий совершенствуется система

типологизации сельских территорий по уровню социально-экономического развития. Методология сочетает сравнительно-статистический анализ, что позволяет учитывать как текущее, так и прогнозное состояние.

Ключевой особенностью подхода выступает дифференциация территорий на основе оценки их текущего состояния и выявления факторов развития. Группировка осуществляется в соответствии с административно-территориальным делением РФ, что обеспечивает сопоставимость данных на межрегиональном уровне. Признаком однородности субъектов может служить как социальное, экономическое, так и экологическое состояние сельской территории. Результатом применения методики становится ранжирование субъектов Федерации по интегральному индексу развития, позволяющее выделить типы территорий с учетом их позиции в общероссийском рейтинге (табл. 2).

К категории относительно благополучных были отнесены 29 регионов, что составляет 35,8% от общего числа субъектов Российской Федерации (за исключением Республики Крым). Аналогичное количество регионов входит в группу наиболее неблагополучных субъектов.

Методика расчета уровня диверсификации нетрадиционных видов сельскохозяйственной и альтернативной деятельности в сельской местности. В предыдущих работах была доказана эффективность применения метода международных статистических таблиц «Затраты-выпуск» для расчета мультипликативных эффектов сельского туризма на смежные отрасли [17]. В текущих условиях агротуризм выступает ключевым направлением диверсификации экономики сельских территорий, способствуя развитию альтернативных видов деятельности.

Таблица 2

**Типология субъектов Федерации по уровню
социо-экономико-экологического развития сельских территорий**

Table 2

**Typology of Federation subjects by the level
of socio-economic-ecological development of rural areas**

Субъекты Российской Федерации	Типы территорий
Курская область	Высокоразвитые прогрессирующие (9 регионов / 11,1%)
Калужская область	
Орловская область	
Республика Адыгея	
Республика Башкортостан	
Ростовская область	
Воронежская область	
Тамбовская область	
Самарская область	

Субъекты Российской Федерации	Типы территорий
Ленинградская область	Высокоразвитые стагнирующие (2 региона / 2,5%)
Липецкая область	
Белгородская область	Высокоразвитые регрессирующие (3 региона / 3,7%)
Брянская область	
Республика Татарстан	
Камчатский край	Среднеразвитые прогрессирующие (15 регионов / 18,5%)
Сахалинская область	
Архангельская область	
Рязанская область	
Чувашская Республика	
Хабаровский край	
Волгоградская область	
Нижегородская область	
Амурская область	
Ямало-Ненецкий АО	
Иркутская область	
Удмуртская Республика	
Республика Мордовия	
Пензенская область	
Омская область	
Мурманская область	Среднеразвитые стагнирующие (5 регионов / 6,2%)
Тульская область	
Челябинская область	
Республика Алтай	
Оренбургская область	

Субъекты Российской Федерации	Типы территорий
Ставропольский край	Среднеразвитые регрессирующие (5 регионов / 6,2%)
Московская область	
Краснодарский край	
Тюменская область	
Республика Крым	
Республика Дагестан	Низкоразвитые прогрессирующие (12 регионов / 14,8%)
Чеченская Республика	
Пермский край	
Саратовская область	
Смоленская область	
Республика Хакасия	
Кировская область	
Тверская область	
Владимирская область	
Кабардино-Балкарская Республика	
Алтайский край	
Республика Карелия	
Ивановская область	Низкоразвитые стагнирующие (5 регионов / 6,2%)
Приморский край	
Еврейская АО	
Вологодская область	
Республика Коми	
Ярославская область	Низкоразвитые регрессирующие (18 регионов / 22,2%)
Новосибирская область	

Субъекты Российской Федерации	Типы территорий
Свердловская область	
Карачаево-Черкесская Республика	
Томская область	
Курганская область	
Кемеровская область	
Калининградская область	
Астраханская область	
Республика Северная Осетия	
Республика Саха (Якутия)	
Республика Калмыкия	
Ненецкий АО	
Чукотский АО	
Республика Тыва	
Красноярский край	
Республика Марий Эл	
Ханты-Мансийский АО – Югра	
Ульяновская область	Депрессивные прогрессирующие (2 региона / 2,5%)
Республика Бурятия	
Псковская область	Депрессивные стагнирующие (2 региона / 2,5%)
Магаданская область	
Костромская область	Депрессивные регрессирующие (4 региона / 4,9%)
Забайкальский край	
Республика Ингушетия	
Новгородская область	

Анализ существующих подходов к типологизации сельских территорий выявил преобладание методов, сфокусированных на оценке социально-экономических последствий внедрения нетрадиционных практик. В противовес этому предлагается использование таблиц «Затраты-выпуск», позволяющих количественно оценить инвестиционную привлекательность туристической инфраструктуры и оптимизировать распределение бюджетных средств.

Методика базируется на анализе статистических данных о потреблении домохозяйств и структуре расходов в региональном разрезе. Это обеспечивает оценку трех компонентов воздействия:

- прямого эффекта – непосредственного вклада туристической деятельности в ВРП;
- косвенного эффекта – влияния на смежные отрасли через цепочки промежуточного потребления;
- вынужденного эффекта – изменений в потребительских расходах занятого в секторе населения.

Модель «Затраты-выпуск» не учитывает финансовые потоки между экономическими агентами включая налоговые отчисления и страховые платежи. Совокупный вклад сельского туризма в региональную экономику определяется как сумма прямого, косвенного и вынужденного эффектов, каждый из которых структурирован по четырем группам показателей: экономическим, социальным, бюджетным и натуральным.

Косвенный эффект рассчитывается на основе таблиц «Затраты-выпуск» (последняя версия Росстата – январь 2020 г.). Алгоритм включает в себя:

1. Идентификацию подкласса отрасли «Сельский туризм» в классификаторе видов экономической деятельности.
2. Определение перечня товаров и услуг, связанных с данным подклассом.
3. Расчет структуры промежуточного потребления и технологических коэффициентов по субъектам Федерации.

Доля каждого вида продукции в объеме промежуточного потребления позволяет количественно оценить вклад поставщиков туристической отрасли в конкретной местности. Например, в Республике Бурятия апробация данной методики показала, что 1 рубль инвестиций в агротуризм генерирует 2,3 рубля добавленной стоимости в сопряженных секторах.

Преимущество подхода заключается в возможности прогнозирования долгосрочных эффектов при изменении параметров инвестиционной политики. Это создает основу для разработки адресных программ поддержки, минимизирующих риски недофинансирования ключевых инфраструктурных проектов.

Расчет совокупного воздействия агротуристической деятельности на социально-экономические показатели региона выполнен для горизонта планирования до 2030 года. Методика предполагает учет трех компонентов: прямого, косвенного и вынужденного эффектов. В качестве объекта анализа выбран субъект Российской Федерации – Республика Бурятия (табл. 3), где реализуются проекты в рамках грантовой программы «Агротуризм».

Прямой эффект включает в себя экономические индикаторы: объем выпуска товаров и услуг на целевой территории (млн руб.) и созданную добавленную стоимость (млн руб.). Социальная составляющая выражена численностью занятых в туристическом секторе (чел/год).

Косвенный эффект оценивается через выпуск поставщиков, обеспечивающих функционирование туристических проектов, и объем инвестиций

в инфраструктуру (млн руб.). Социальный аспект представлен количеством косвенно занятых в смежных отраслях (чел/год).

Вынужденный эффект рассчитан как объем потребления занятого населения за вычетом межрегионального импорта (млн руб.). Данный показатель отражает рост внутреннего спроса, стимулируемый доходами работников туристической сферы.

Для апробации методики использованы данные заявочной документации 2022 г. по проектам этноагрофермы «Алтан» (специализация – птицеводство, туристические маршруты к буддийским центрам) и КФХ Баргузинской долины (мясное скотоводство, экскурсии к историческим памятникам) (табл. 3–5).

Предложенную выше методику расчета социально-экономического эффекта сельского туризма далее мы применили для расчета окупаемости государственных затрат в части внутреннего регионального продукта. Для анализа использовали 33 субъекта РФ. На основе полученных данных предлагаем авторскую типологизацию сельских территорий с учетом мультипликативного эффекта диверсификации отраслей АПК на сельских территориях (табл. 6).

Таблица 3

**Плановые инвестиции в проекты гранта «Агротуризм»
в Республике Бурятия**

Table 3

**Planned investments in Agrotourism grant projects
in the Republic of Buryatia**

Инвестиции	Итого за весь период	Период												
		2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031
Государственные инвестиции в проект, тыс. руб.	5100	1700			1700			1700						
Частные инвестиции в проект, тыс. руб.	5100		1700			1700								1700
В том числе: – здания и сооружения	75%	1275	1275	0	1275	1275	0	1275	0	0	0	0	0	1275
– машины и оборудование	15%	255	255	0	255	255	0	255	0	0	0	0	0	255
– инженерные и прочие профессиональные услуги	10%	170	170	0	170	170	0	170	0	0	0	0	0	170

Таблица 4

Плановые инвестиции в проекты гранта «Агротуризм» в Республике Бурятия

Table 4

Planned investments in Agrotourism grant projects in the Republic of Buryatia

Показатели	Ед. изм.	Период											
		Итого за весь период	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Операционные показатели проекта													
Выручка проекта без НДС и акцизов с учетом субсидий на текущую деятельность	тыс. руб.	138 000			4200	4200	7200	7200	7200	7200	7200	7200	7200
Субсидии на текущую деятельность	тыс. руб.	120			20	20	20	20	20	20			
Оплата труда постоянного персонала за вычетом налогов и обязательных отчислений	тыс. руб.	20 700			630	630	1080	1080	1080	1080	1080	1080	1080
Оплата труда временного персонала за вычетом налогов и обязательных отчислений	тыс. руб.	20 700			630	630	1080	1080	1080	1080	1080	1080	1080
Операционная прибыль проекта	тыс. руб.	41 400			1260	1260	2160	2160	2160	2160	2160	2160	2160
Расходы на ремонт основных средств	тыс. руб.	4 140			126	126	126	126	126	126	126	126	126
Показатели занятости													
Количество постоянного персонала	чел.				2	3	3	3	3	3	3	3	3

Показатели	Ед. изм.	Период													
		Итого за весь период	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	
Средняя ставка временного персонала	тыс. руб. в месяц на 1 чел.				25	25	25	25	25	25	25	25	25	25	
Полная занятость					2	2	4	4	4	4	4	4	4	4	
Уплаченные налоги и обязательные платежи															
Налог на прибыль (если проект на ОСНО)	тыс. руб.	1 380			42	42	72	72	72	72	72	72	72	72	
Единый налог (если проект на УСН, ЕНВД, Патент)	тыс. руб.														
Отчисления на обязательное социальное страхование	тыс. руб.	20 589			627	627	1074	1074	1074	1074	1074	1074	1074	1074	
Отчисления налога на само-занятых	тыс. руб.														
Уплата налога на доходы физических лиц	тыс. руб.	6 186			188	188	323	323	323	323	323	323	323	323	
Налог на имущество	тыс. руб.	2 244			112	112	112	112	112	112	112	112	112	112	
Налог на землю	тыс. руб.														
НДС и акцизы, уплаченные в бюджет (если проект на ОСНО)	тыс. руб.	15 732			479	479	821	821	821	821	821	821	821	821	

Оценка социально-экономических эффектов от реализации нетрадиционных видов сельскохозяйственной и альтернативной деятельности на сельской территории

Table 5

Assessment of socio-economic effects resulting from the implementation of non-traditional agricultural and alternative activities in rural areas

[illegible]

Прямые социально-экономические эффекты		2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Вынужденные социально-экономические эффекты		2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Потребление прямо и косвенно трудоустроенного населения, очищенное от импорта и ввоза из прочих регионов	млн руб.	0,03	0,03	0,06	0,07	0,11	0,10	0,11	0,10	0,10	0,10	0,10	0,10
Итоговый расчет вклада в ВРП (метод использования)		0,78	0,78	2,84	3,20	5,23	4,87	5,23	4,87	4,87	4,87	4,87	4,87
Прямой вклад	млн руб.	0,00	0,00	2,39	2,39	4,10	4,10	4,10	4,10	4,10	4,10	4,10	4,10
Косвенный вклад	млн руб.	0,75	0,75	0,39	0,73	1,01	0,67	1,01	0,67	0,67	0,67	0,67	0,67
Вынужденный эффект	млн руб.	0,03	0,03	0,06	0,07	0,11	0,10	0,11	0,10	0,10	0,10	0,10	0,10
Итоговый вклад в занятость региона		2,00	2,00	5,00	5,00	8,00	8,00	8,00	8,00	8,00	8,00	8,00	8,00
Прямое трудоустройство	чел.	0,00	0,00	4,00	4,00	7,00	7,00	7,00	7,00	7,00	7,00	7,00	7,00
Косвенно трудоустроенное население	чел.	2,00	2,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Таблица 6

**Типологизация сельских территорий на основе
мультипликативного эффекта диверсификации отраслей АПК**

Table 6

**Typologization of rural areas based on the multiplicative effect
of diversification of agribusiness industries**

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Рублей итогового вклада в ВРП на 1 руб. государственных затрат
<i>Высокий уровень диверсификации</i>		
1	Московская область	1,3
2	Краснодарский край	1,3
3	Ленинградская область	1,2
4	Республика Татарстан	1,2
5	Хабаровский край	1,2
<i>Средний уровень диверсификации</i>		
6	Волгоградская область	1,1
7	Калужская область	1,1
8	Республика Башкортостан	1,1
9	Воронежская область	1,1
10	Волгоградская область	1,1
11	Республика Карелия	1,1
12	Приморский край	1,1
13	Ярославская область	1,1
14	Свердловская область	1,1
<i>Низкий уровень диверсификации</i>		
15	Самарская область	1,0
16	Камчатский край	1,0
17	Сахалинская область	1,0
18	Рязанская область	1,0
19	Иркутская область	1,0
20	Мурманская область	1,0

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Рублей итогового вклада в ВРП на 1 руб. государственных затрат
21	Тульская область	1,0
22	Челябинская область	1,0
23	Оренбургская область	1,0
24	Смоленская область	1,0
25	Республика Хакасия	1,0
26	Алтайский край	1,0
27	Кемеровская область	1,0
28	Республика Калмыкия	1,0
29	Новгородская область	1,0
<i>Отрицательный уровень диверсификации</i>		
30	Республика Коми	0,9
31	Республика Саха (Якутия)	0,9
32	Красноярский край	0.9
33	Ульяновская область	0.9

Выводы Conclusions

Актуальной является необходимость трансформации подходов к развитию сельских территорий, обеспечивающей их устойчивый прогресс и реализацию системообразующих функций в национальной экономике. Интегральным элементом новой парадигмы должны стать механизмы государственной поддержки, направленные на преодоление диспропорций в экономическом, социальном и экологическом развитии регионов.

Разработанная классификация сельских территорий, основанная на синтезе экономико-статистических и социокультурных критериев, служит научной основой для формирования адресных программ. Применение данной типологии позволяет оптимизировать распределение ресурсов, фокусируясь на активизации эндогенного потенциала территорий и сокращении межрегиональных различий.

Реализация предложенного подхода способствует созданию условий для синергии между традиционными формами хозяйствования и инновационными практиками. Это обеспечивает не только рост экономических показателей, но и укрепление социальной стабильности через снижение миграционного оттока и повышение качества жизни сельского населения.

Список источников

1. Евграфова Л.В. Методологические подходы к оценке мультипликативного эффекта туризма в экономике // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16, № 5/102. С. 11–20. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7393825>
2. Егоров Д.О., Шурупина В.С. Сельское расселение России: типология территорий по людности сельских населенных пунктов // *Региональные исследования*. 2018. № 4 (62). С. 4–16. EDN: OVVOHF
3. Мерзлов А.В., Пантелеева О.И. Применение методики ОЭСР для типологии сельских территорий в России // *АПК: экономика, управление*. 2010. № 5. С. 83–88. EDN: MNKPFJ
4. Балашова Н.Н., Коробейников Д.А., Попова С.А. Типология сельских территорий по уровню развития социальной инфраструктуры // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 10 (444). С. 28–39. <https://doi.org/0.47475/1994-2796-2020-11004>
5. Рой О.М. Государственная политика в сфере безопасности: выбор приоритетов // *Антиномии*. 2023. Т. 23, № 1. С. 107–122. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_107
6. Заславская Т.И., Мучник И.Б. *Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ*. Москва: Статистика, 1980. 343 с.
7. Сергиенко А.М., Троцкий А.Я. Кооперационно-сетевые взаимодействия предприятий в контексте социально-экономического развития региона // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 6. С. 64–82. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.5>
8. Попова С.А., Коробейников Д.А., Колпакова Е.А. Разработка типологии сельских территорий Российской Федерации, учитывающей дифференцированный подход в части плотности населения (методические подходы) // *Международная научно-практическая конференция «Инновационные технологии в агропромышленном комплексе в современных экономических условиях»*. Волгоград, 10-12 февраля 2021 г. Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2021. Т. IV. С. 170–174. EDN: VGBJJE
9. Костяев А.И. К вопросу о научных основах разработки стратегий развития сельских территорий // *Аграрная наука Евро-Северо-Востока*. 2020. Т. 21, № 4. С. 462–474. <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2020.21.4.462-474>
10. Фаринюк Ю.Т., Егорова Е.В. Типология регионов Нечерноземной зоны России по уровню развития сельского хозяйства // *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. 2015. № 1 (22). С. 35–38. EDN: TQVJQD
11. Костяев А.И., Никонова Г.Н., Криулина Е.Н. Институциональная среда в сельской местности: проблемы формирования и оценка ее результативности // *Труды Кубанского государственного аграрного университета*. 2016. № 58. С. 7–14. EDN: WHWJMR
12. Вострецова Т.В. Типология сельских территорий: методика и возможности применения // *Никоновские чтения*. 2010. № 15. С. 275–277. EDN: ОСРЕСР
13. Ильин В.А., Ускова Т.В., Лукин Е.В., Кожевников С.А. *Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса*: Монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. 158 с.
14. Павлов А.Ю., Кудрявцев А.А. Экономические приоритеты как основа обеспечения устойчивого развития сельских территорий // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 12-1. С. 142–146. <https://doi.org/10.17513/fr.42637>
15. Газизов Р.М. Устойчивое развитие сельских территорий: метод оценки и типологизации (на примере Красноярского края) // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. № 3. С. 34–42. EDN: SMHGRT

16. Логанцова Н.В. Методика типологизации сельских территорий по уровню социально-экономической безопасности // *Экономика сельского хозяйства России*. 2013. № 9. С. 63–69. EDN: RRUJVP

17. Evgrafova L.V., Sergeeva N.A., Ismailova I.Z., Eremin V.I. et al. Assessing the functional efficiency of tourist and recreational clusters in the regions of Russia. *2nd International Conference on Advances in Materials, Systems and Technologies, CAMSTech 2021. Krasnoyarsk, July 29-31, 2021*. AIP Publishing, 2022;2467:070011. <https://doi.org/10.1063/5.0092777>

References

1. Evgrafova L.V. Methodological approaches to assessing the multiplicative effect of tourism in the economy. *Services in Russia and Abroad*. 2022;16(5/102):11-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.5281/zenodo.7393825>

2. Egorov D.O., Shurupina V.S. Rural settlement system of Russia: typology of territories by rural settlements population. *Regionalnye issledovaniya*. 2018;4(62):4-16. (In Russ.)

3. Merzlov A.V., Panteleeva O.I. Application of the OECD methodology for the typology of rural areas in Russia. *AIC: Economics, Management*. 2010;(5):83-88. (In Russ.)

4. Balashova N.N., Korobeynikov D.A., Popova S.A. Typology of rural territories by level of social infrastructure development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020(10(444)):28-39. (In Russ.) <https://doi.org/0.47475/1994-2796-2020-11004>

5. Roy O. National security policy: priority-setting. *Antinomies*. 2023;23(1):107-122. (In Russ.) https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_107

6. Zaslavskaya T.I., Muchnik I.B. *Social and demographic development of the village: Regional analysis*. Moscow, USSR: Statistika, 1980:343. (In Russ.)

7. Sergienko A.M., Trotskovsky A.Ya. Cooperative-network interactions of enterprises in the context of regional socio-economic development. *Problems of Territory's Development*. 2023;27(6):64-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.5>

8. Popova S.A., Korobeynikov D.A., Kolpakova E.A. Development of a typology of rural areas of the Russian Federation, taking into account a differentiated approach in terms of population density (methodological approaches). *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 'Innovatsionnye tekhnologii v agropromyshlennom komplekse v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh'*. February 10-12, 2021. Volgograd, Russia: Volgograd State Agrarian University, 2021; IV:170-174. (In Russ.)

9. Kostyaev A.I. On the scientific basis for developing rural development strategies. *Agricultural Science Euro-North-East*. 2020;21(4):462-474. (In Russ.) <https://doi.org/10.30766/2072-9081.2020.21.4.462-474>

10. Farinyuk Yu.T., Egorova E.V. Typology of regions of the Non-Black Earth Zone of Russia by the level of agricultural development. *Ekonomika, trud, upravlenie v selskom khozyaystve*. 2015;(1(22)):35-38. (In Russ.)

11. Kostyaev A.I., Nikonova G.N., Kriulina E.N. Institutional environment in rural areas: problems of formation and evaluation of its effectiveness. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2016;(58):7-14. (In Russ.)

12. Vostretsova T.V. Typology of rural areas: methodology and application possibilities. *Nikonovskie chteniya*. 2010;(15):275-277. (In Russ.)

13. Il'in V.A., Uskova T.V., Lukin E.V., Kozhevnikov S.A. *Analysis and modeling of the economy based on the input-output balance: a monograph*. Vologda, Russia: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2017:158. (In Russ.)

14. Pavlov A.Yu., Kudryavtsev A.A. Economic priorities as the basis for sustainable development of rural territories. *Fundamentalnye issledovaniya*. 2019;(12-1):142-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/fr.42637>
15. Gazizov R.M. Stable development of rural territories: method of estimation and typologization (on the example of Krasnoyarsk Region). *Actual Problems of Economics and Law*. 2014;(3):34-42. (In Russ.)
16. Logantsova N.V. Methods typology of rural areas in terms of socio-economic security. *Economics of Agriculture of Russia*. 2013;(9):63-69. (In Russ.)
17. Evgrafova L.V., Sergeeva N.A., Ismailova I.Z., Eremin V.I. et al. Assessing the functional efficiency of tourist and recreational clusters in the regions of Russia. *2nd International Conference on Advances in Materials, Systems and Technologies, CAMSTech 2021. Krasnoyarsk, July 29-31, 2021*. AIP Publishing, 2022;2467:070011. <https://doi.org/10.1063/5.0092777>

Сведения об авторах

Людмила Владимировна Евграфова, канд. экон. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой связей с общественностью, речевой коммуникации и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»; 127550, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49; e-mail: lyudmilaevgrafova@rgau-msha.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2903-7782>

Наталья Анатольевна Сергеева, старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева»; 127550, Российская Федерация, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49; e-mail: sergeeva_nat@rgau-msha.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7116-3526>

Information about the authors

Lyudmila V. Evgrafova, CSc (Econ), Associate Professor, Acting Head of the Department of State and Municipal Management and Tourism, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 49 Timiryazevskaya St., Moscow, 127550, Russian Federation; e-mail: lyudmilaevgrafova@rgau-msha.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2903-7782>

Natalia A. Sergeeva, Senior Lecturer at the Department of Russian and Foreign Languages, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 49 Timiryazevskaya St., Moscow, 127550, Russian Federation; e-mail: sergeeva_nat@rgau-msha.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7116-3526>